

Светлана Менгель

DOI: 10.31168/91674-576-4.16

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Германия
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

Культурно-языковая ситуация в России конца XVII – первой трети XVIII века глазами иностранцев первых русских грамматик

—

—

В докладе делается попытка показать понимание российской культурно-языковой ситуации иностранцами авторами первых грамматик русского языка, написанных в конце XVII – первой трети XVIII в., и осветить в этой связи предлагаемые в грамматиках модели кодификации русского (российского) языка, опирающиеся на западноевропейские грамматические традиции и индивидуальные решения.

Ключевые слова: *первые грамматики русского языка, культурно-языковая ситуация в России XVII–XVIII вв.: между русским и церковнославянским*

В своем фундаментальном исследовании «Язык и культура в России XVIII века», посвященном процессам формирования нового русского литературного языка, В.М. Живов отмечает, что «устроители нового литературного языка» в России «могли обращаться, с одной стороны, к церковнославянской грамматической традиции и к связанной с нею традиции книжной справы», и, с другой стороны, «к грамматическим описаниям русского языка, появившимся как плод лингвистической любознательности иностранцев» (к таким описаниям он относит «Русскую грамматику» Лудольфа (1696)), «или первым опытам преподавания русского языка иностранцам» (к которым причисляются грамматики Глюка (1704) и «отчасти» Пауса (1705–1729)) [Живов 1996: 195]. Подчеркивая важность нормализации на уровне морфологии – а именно она отража-

лась прежде всего в грамматиках – и наличия в России определенной традиции грамматической нормализации, Живов обращает внимание на то, что при формировании «простого» языка в Петровскую эпоху из него пытались устранить признаки «книжности» (т.е. церковнославянские элементы) «и заменить несовпадающие формы элементами, известными из разговорного употребления». «Содержательная сложность» такой практики заключалась в том, что «варианты разговорного происхождения противоречили навыкам грамотного письма, т.е. воспринимались прежде всего не как “русские”, а как “неграмотные”». Подобная практика, таким образом, «наталкивалось на сопротивление внедренного в сознание носителей лингвистического мышления» и вела к тому, что то, что должно было быть переосмысленно, «отнюдь не было очевидным». Именно в этом контексте грамматические описания русского языка, созданные иностранцами, оказывались, по мнению Живова, чрезвычайно важными для «устроителей нового литературного языка» в России как «второй источник нормализаторских инноваций академической филологии», потому что иностранцы «ставили перед собой задачу описать русский язык в соответствии с наблюдаемым ими узусом». Этот узус они могли понимать по-разному, но в любом случае иностранцы, не обладая «традиционным языковым сознанием» русских, не испытывали, по мнению Живова, тех трудностей «в размежевании русского и церковнославянского, с которыми сталкивались носители русского языка» [Живов 1996: 196–195].

Никоим образом не оспаривая описания практики кодификации «простого» языка «устроителями нового литературного языка» в России и полностью согласившись с тем, что нормализация в первую очередь и наиболее наглядно проявляется на уровне морфологии, приходится возразить против мнения Живова, высказываемого им относительно грамматик русского языка, написанных иностранцами.

Иностранные авторы создавали свои грамматики русского языка отнюдь не из «лингвистической любознательности» и далеко не только для «преподавания русского языка иностранным ученикам». Напротив, их грамматики преследовали различные просветительские и/или далеко идущие глобальные миссионерские цели, распространявшиеся и на русских в России. Это отражено в грамматиках Глюка (1704), Шталя (1728) и Пауса (1705–1729) и особенно характерно для грамматики Лудольфа (1696), полугодовое путешествие которого в Россию было началом его пути на Восток и служило подготовке «всемирной миссии» протестантов-пиеистов из Галле. Ни изданная в 1696 г. в Оксфорде «Русская грамматика» Лудольфа, ни другие грамматические произведения, написанные иностранцами, которые будут рассмотрены в докладе, не были «академическими» и вряд ли могли служить «источником нормализаторских инноваций академической филологии».

Для достижения своих целей иностранные авторы русских грамматик не просто «ставили перед собой задачу описать русский язык в соответствии с наблюдаемым ими узусом», но стремились кодифицировать именно тот языковой идиом (или форму существования, вариант) русского языка, который, по их мнению, был достоин лечь в основу русского литературного языка (т.е. языка-стандарта), не существовавшего еще в России. Для преодоления российской языковой ситуации в их понимании иностранные авторы опирались на известные им западноевропейские модели формирования национальных литературных языков или предлагали свои индивидуальные решения.

Именно этой проблематике посвящается наш доклад, в котором будут рассмотрены семь первых грамматик русского языка, созданных иностранными авторами в конце XVII – начале XVIII вв., в их сопоставлении с практикой «строителей нового литературного языка» в России в ходе языковой реформы Петра I.

Литература

Живов 1996 – ЖИВОВ В.М. Язык и культура в России XVIII века. Москва, 1996.

Keipert, Huterer 2016 – Johann Werner Paus. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache. Transkript des Autographs der Akademie-bibliothek St. Petersburg, Handschriftenabteilung, Signatur Q 192/I. Bearbeitet von Andrea Huterer, Schlußredaktion von Helmut Keipert mit computertechnischer Unterstützung durch Daniel Bunčić. Als Manuskript ausgedruckt für Deutsche Forschungsgemeinschaft (Bonn), Biblioteka Akademii nauk, Otdel rukopisej (S.-Peterburg) und Archiv der Franckeschen Stiftungen (Halle/S.). Bonn, 2016.

Keipert, Uspenskij, Živov 1994 – Keipert H., Uspenskij B.A., Živov V.M. Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache (1704). Köln-Weimar-Wien, 1994.

Ludolf 1696 – Ludolf H.W. Grammatica Russica quæ continet non tantum præcipua fundamenta russicæ linguæ, Verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam slavonicam. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiore, Germanice æque ac latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. Una cum brevi vocabulario rerum naturalium. Oxonii, 1696.

Mengel 2013 – Mengel S. Die *Rudimenta Linguae Russicæ* von J.C. Stahl im Streitdiskurs um die *Stockholmer Paradigmatik*: Neue Erkenntnisse // Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk 2013. Herausgegeben von S. Kempgen, M. Wingender, N. Franz, M. Jakiša. München, 2013. S. 209–220.

Swetlana Mengel

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Germany

swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

The cultural-linguistic situation in Russia from the end of the 17th until the first third of the 18th century in prospects of foreign first Russian grammar-authors

The lecture addresses the sight of foreign first Russian grammar-authors on the cultural-linguistic situation in Russia

from the end of the 17th until the first third of the 18th century. It takes a closer look at the first grammar-models of Russian language codifications, which are based on West European grammatical traditions and individual decisions.

Keywords: *first Russian grammar, cultural-linguistic situation in Russia from the 17th until the 18th century: between Russian and Church-Slavonic language*

—

93

—

Екатерина Мишина

DOI: 10.31168/91674-576-4.17

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия

kmishina@mail.ru

Стратегии выбора видовой формы в отрицательном императиве*

Доклад посвящается исследованию факторов, обуславливающих выбор глагольного вида в форме отрицательного императива в старославянском и древнерусском языке. В отличие от современного русского языка, где сложилась достаточно чёткая оппозиция «прохибитив НСВ vs превентив СВ», семантическая разница между формами отрицательного императива разных видов была еще во многом обусловлена различиями в аспектуальной семантике, а прагматические функции накладывались дополнительно.

Ключевые слова: *отрицание, императив, превентив, прохибитив, глагольный вид, старославянский язык, древнерусский язык*

В современном русском языке отрицательный императив образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида, при этом формы императи-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00241).